

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 324+342.8

ПРЕДВЫБОРНАЯ КАМПАНИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрена проблема соотношения понятий «политическая конкуренция» и «политические конфликты» в условиях предвыборной кампании в современной России, дана оценка их функциональности как параметров демократичности политической системы, представлена характеристика основных видов институализированных и межличностных конфликтных отношений в предвыборный период.

Ключевые слова: предвыборная кампания, политический конфликт, политическая конкуренция, виды конфликтов в предвыборный период, функциональность политических конфликтов.

Electoral Campaign as a Factor of Political Conflicts in Modern Russia

A. A. Vilkov

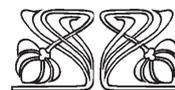
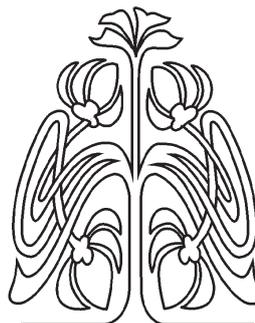
The author considers the problem of correlation between the notions of political competition and political conflicts in the context of an electoral campaign in contemporary Russia, evaluates their functionality as parameters of the political system's degree of democracy, and characterizes the main types of institutional and interpersonal conflict relations within the electoral period.

Key words: electoral campaign, political conflict, political competition, types of conflicts within the electoral period, political conflicts' functionality.

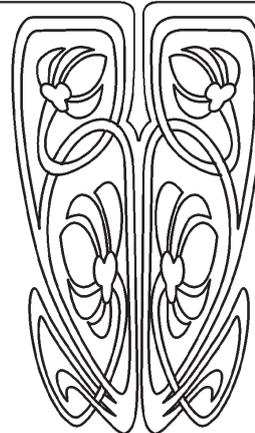
DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-309-314

Принципы состязательности и альтернативности, закрепленные избирательным законодательством в современной России, объективно обуславливают наличие политической конкуренции в ходе предвыборной кампании. В этой связи возникает проблема соотношения понятий «политическая конкуренция» и «политические конфликты». Несмотря на наличие множества научных определений, существует ряд содержательных наложений обозначенных понятий друг на друга, которые нуждаются в уточнении и объяснении. Суть проблемы состоит не только в более четком обозначении категорий политической науки, но и в выявлении сущности тех процессов, которые составляют основу предвыборных кампаний и определяют функциональный смысл и характеристику выборов в целом.

Не случайно, что наличие политической конкуренции рассматривается западноевропейскими исследователями как важнейшая основа демократии¹. Более того, данная проблема, по мнению известного немецкого ученого Ю. Хабермаса, четко вписана в контекст толерантности и не может оцениваться без взаимосвязи с плюрализмом и мультикультурализмом современного общества: «Не только мировоззренческий плюрализм выносит на передний план вопросы толерантности. Это также всегда относится и к плюрализму языковых и культурных укладов, в которых выражена устойчивая культурная идентичность, если они по причинам сложности их состава (строения) побуждают давать оценки не только исходя из экзистенциальной

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

релевантности, но и в аспекте Истинности и Правильности»². Такой подход неизбежно переводит проблему политической конкуренции на уровень политической корректности во имя торжества толерантности. Однако конфликты последних лет во многих западноевропейских странах (особенно террористические акты во Франции и Бельгии) показали, что максимумы толерантности в отношениях различных социальных групп друг к другу и отношение общества и государства к этим группам имеют свои пределы.

Понятие конкуренции наиболее последовательно и всесторонне представлено в экономических исследованиях³. Начиная с А. Смита, конкуренция рассматривается экономистами как неотъемлемая часть рыночной системы, обеспечивающая ее эффективное функционирование. По сути, она представляет собой деятельность в определенной сфере, предполагающую получение более высокой прибыли, по сравнению с другими участниками идентичной деятельности⁴. Нормативное определение дано в Федеральном законе «О защите конкуренции» (п. 4 ст. 4) – это «соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке»⁵. Такое определение неизбежно предполагает нанесение победителем некоего экономического ущерба другим участникам конкуренции. Возникает вопрос: насколько применимо такое понимание конкуренции для политической жизни?

Ответ на него вовсе не очевиден, в связи со сравнением тех характеристик, которые номинально отличают субъектов политики от экономических субъектов. Если последние открыты нацелены на получение прибыли, то политические акторы (по крайней мере, формально) целью своей деятельности провозглашают представительство интересов различных слоев населения в сфере политики. Сразу возникает вопрос – борьба за лучшее представительство интересов населения предполагает ли нанесение ущерба другим участникам политической жизни? Если да, то в чем этот ущерб будет выражаться?

В рамках концепции рыночной демократии субъекты политики идентичны экономическим субъектам и представляют собой «изготовителей» и «продавцов» политического «товара», который в ходе предвыборных кампаний предлагают избирателям, выступающим в роли «покупателей». То есть чем лучше тот или иной политический актор знает насущные проблемы избирателей («содержание товара»), чем более грамотно и профессионально он сформулирует их решение («упаковка товара»), чем ярче и интереснее он проведет предвыборную кампанию

(«реклама товара»), тем выше шанс, что «покупатель» приобретет именно этот «товар». «Стоимость» такого «товара» оценивается голосами избирателей, соответственно, ущерб конкурентов будет состоять в потере данных голосов.

Однако современные теоретики демократии руководствуются гораздо более сложной совокупностью критериев конкуренции при оценке ее эффективности: «Индекс включает в себя такие переменные, как характер электоральной конкуренции, характер парламентской конкуренции, конкуренции при формировании исполнительной ветви власти, включенность граждан в избирательный процесс, учет права меньшинства при формировании властных органов»⁶. Как представляется, ключевое значение имеет именно электоральная конкуренция, так как именно она в значительной степени определяет содержание и характер деятельности парламента и других выборных институтов. В этой связи многие исследователи стремятся формализовать данные критерии на основе количественных критериев и вывести формулу разделения выборов на демократические и недемократические. Абсолютизация такого подхода была подвергнута критике Я. Г. Ашихминой, по мнению которой количественный подход возможен лишь при условии использования более дробного набора классификационных разрядов, «например, если выделять выборы “полуконкурентные”, “слабоконкурентные” и т. д.»⁷. Оптимальным при оценке выборов она считает использование двух критериев – «конкурентность и предсказуемость, что может способствовать не только более точной оценке, но и выявить различные модификации демократических региональных практик»⁸.

Однако критерий предсказуемости победы того или иного кандидата также характеризуется существенной неопределенностью и большим разбросом ее возможных причин. Это могут быть различные виды предсказуемости, обусловленные, например, серьезным перевесом накопленного политического капитала и авторитета кандидата-тяжеловеса; существенным превосходством личностных характеристик участника предвыборной кампании; перевесом организационных ресурсов; наличием собственных информационных ресурсов; оригинальной стратегией избирательной кампании; наличием административного ресурса и т. д. Чаще всего эта предсказуемость обуславливается той, или иной комбинацией обозначенных факторов, которая не может быть математически точно определена и верифицирована. Как измерить личностный и имиджевый ресурс? Как измерить ресурс воли кандидата или степень его харизматичности, его умение импровизировать и отвечать на выпады конкурентов? Не случайно, что Я. Г. Ашихмина сама признает возможность предсказуемых выборов в услови-

я зрелых демократий, делая акцент на том, что «соотношение числа предсказуемых и непредсказуемых, конкурентных и неконкурентных выборов, безусловно, может рассматриваться как один из «индексов» демократичности политического режима»⁹.

На наш взгляд, важной дополнительной характеристикой предвыборных кампаний (не связанной с числовыми индикаторами) является уровень их конфликтности и особенности противостояния их участников.

Конкуренция как борьба за голоса избирателей изначально определяет правовые рамки конфликтного поля предвыборной кампании. Если исходить из наиболее распространенных трактовок понятия «конфликт», то он означает дословно «столкновение»¹⁰ (партий, лидеров, программ, позиций, интересов, мнений, стратегий и т. д.). В этой связи можно выделить несколько видов легитимных конфликтов, которые объективно проявляются в процессе предвыборной кампании, выполняя при этом преимущественно положительные функции.

Основной конфликт в период выборов обусловлен специфической ограниченностью объекта предвыборных отношений, когда количество выборных мест в тех или иных органах нормативно меньше количества претендующих на них кандидатов. Обязательная состязательность предвыборных процедур и наличие альтернативности участников и соответствующих программ законодательно закреплены в современной России. Это делает их выборами в прямом смысле данного слова (в отличие от советской избирательной системы, когда граждане голосовали за единственного кандидата в округе).

Наличие нескольких претендентов на выборную должность приводит к тому, что каждый из них формулирует свое понимание важнейших общественных проблем и способов их решения, одновременно критикуя программы своих конкурентов. Возникающее в информационном пространстве публичное конфликтное поле позволяет гражданам увидеть сильные и слабые стороны программ основных участников предвыборных отношений и определиться с мотивацией своего голосования. Вольно или невольно данная взаимная критика позволяет корректировать как программы отдельных участников электоральных процессов, так и стратегии и тактики общественно-политического и социально-экономического развития страны в целом.

Данное конфликтное поле накладывается на действующую в стране партийную систему и предопределяет соответствующие разновидности конфликтных столкновений: конфликт идеологий, конфликт мировоззрений, конфликт в отношении понимания исторического прошлого, конфликт в понимании настоящего состояния страны, конфликт в отношении

перспектив развития. Особенно острым было противостояние по данным вопросам ведущих политических сил в постсоветской России в 1990-е гг., однако и сегодня конфликты по стратегическим вопросам возможны не только между сторонниками полярных идеологий, но и внутри представителей одного и того же идеологического сегмента. Эти противоречия могут быть мотивированы лидерскими амбициями, но могут быть обусловлены функциональными задачами партий-спойлеров, изначально предназначенных для ослабления позиций основных идеологических конкурентов (например, многочисленные претензии Коммунистической партии «Коммунисты России» к Г. Зюганову и его сторонникам по поводу «предательства» последними коммунистических идеалов и засилья на выборах в списках от КПРФ представителей олигархов).

Многообразие проявлений конфликтности, с одной стороны, отражает плюралистичность состояния общества как одного из важнейших показателей его демократичности. В то же время в нем скрыта потенциальная опасность, которая при определенных условиях может нести в себе угрозу дестабилизации политического развития и разрушения существующего общественно-политического устройства. Главной предпосылкой реализации негативного сценария является наличие серьезных нерешенных проблем в обществе и антагонистический характер отношений основных субъектов политики, участвующих в политической жизни и предвыборной кампании.

Кроме того, важнейшую роль чаще всего играет внешний фактор в лице международных организаций и разнообразной поддержки радикальной оппозиции со стороны лидеров западноевропейских государств. Об этом свидетельствует опыт использования технологий многочисленных «цветных революций» на постсоветском пространстве («революция роз» в Грузии 2003 г.; «оранжевая революция» на Украине 2004 г.; «тюльпановая революция» в Киргизии 2005 г.; попытки «цветной революции» в Узбекистане 2005 г.; попытки «васильковой революции» в Белоруссии 2006 г.; попытки «цветной революции» в Армении 2008 г.; «дынная революция» в Киргизии 2010 г.; попытки «белой революции» в России в 2011–2012 гг.; «Евромайдан» на Украине 2013–2014 г.), а также во многих других регионах мира («арабская весна», «революция зонтиков» в Гонконге (Китай) 2014 г. и многие другие). Главный акцент делается на априорном непризнании возможностей победы представителей правящего режима и подготовка оппозиции к массовым протестам против невыгодных для нее результатов выборов. Мировое общественное мнение изначально настраивается на восприятие легитимности данных протестов и необходимости ее полити-

ческой, информационной, моральной и материальной поддержки¹¹.

С учетом того, что на выборах депутатов Государственной думы возвращена смешанная избирательная система (мажоритарная и пропорциональная составляющие), то объективно актуализируются не только институализированные конфликты, но и многочисленные межличностные конфликты в одномандатных округах.

Институализированные предвыборные конфликты представляют собой более сложные (в связи с тем, что основными акторами в них выступают политические партии), которые определяют столкновение стратегий общественного развития в масштабах страны в целом. Личностный фактор в институализированных конфликтах также играет определенную роль, так как ключевое значение в деятельности партий имеет позиция лидеров и их персонализированные особенности, во многом определяющие лицо политических партий. Тем не менее, характеристики данных лидеров и их конфликтность значимы не сами по себе, а как неотъемлемая часть партийного ресурса и имиджа. Поэтому персонализированные конфликты партийных лидеров в период избирательных кампаний всегда встроены в межпартийные отношения и нацелены на снижение рейтинга конкурентных партий.

Существенные коррективы в конфигурацию потенциальных институализированных конфликтных зон в период подготовки к выборам вносит процедура праймериз. Она, с одной стороны, обуславливает и стимулирует внутрипартийную конкуренцию, а с другой, хотя бы в минимальной степени институализирует и делает публичными те латентные противоречия, которые имели место и раньше (особенно в регионах) в период формирования партийных списков. Чаще всего данная конфликтная зона отражает конфигурацию борьбы различных бизнес-элит в регионах за представительство своих интересов в сфере политики.

Но в некоторых случаях институт праймериз проявляет конфликт внутрипартийных противоречий между лидерами данной партии (или объединения). Так включение председателя ПАРНАСа М. Касьянова в качестве лидера объединенного списка «Демократической коалиции» (без прохождения им праймериз) привело к тому, что зампреда партии И. Яшин в ультимативной форме потребовал участия М. Касьянова в процедуре первичных выборов на общих основаниях. После отказа последнего И. Яшин заявил о выходе из Демкоалиции и снятии своей кандидатуры с праймериз. На аналогичный шаг пошел и руководитель юридического отдела Фонда борьбы с коррупцией (созданного А. Навальным) И. Жданов. Оба политика объяснили свое решение тем, что их не устраивает первое место экс-премьера РФ и

председателя ПАРНАСа М. Касьянова в предвыборном списке¹². Ключевым мотивом стал показ на НТВ скандального фильма «Касьянов день», в котором содержался компрометирующий материал на председателя ПАРНАСа (а также его нелестные высказывания в адрес соратников по Демкоалиции). По мнению оппозиционеров, М. Касьянов должен был добровольно отказаться от квоты на первое место в списке с формулировкой «хочу подтвердить право на лидерство и вывести коалицию из-под удара»¹³. Фактически процедура праймериз еще раз подтвердила, что межличностные отношения лидеров праволиберального фланга продолжают желать лучшего. Данная тенденция проявляется на протяжении всего постсоветского периода (наиболее наглядно ее продемонстрировал постоянный срыв попыток объединения праволиберальных партий с партией «Яблоко») и является одной из причин снижения рейтинга либералов и их поражения на выборах различного уровня.

Межличностные отношения кандидатов в отдельных мажоритарных округах также могут быть встроены в систему межпартийных отношений и включать в себя конфликты идеологий, мировоззрений, партийных программ и меседжей (при этом часть кандидатов может быть беспартийной). В любом случае на уровне округов личностный фактор в предвыборной борьбе конкурентов играет гораздо большую роль, независимо от их партийной принадлежности или беспартийности. В рамках данных конфликтных предвыборных отношений каждый кандидат стремится продемонстрировать, прежде всего, свои лидерские качества, доказать избирателям обоснованность личных претензий на политическое представительство интересов жителей данного округа. Соответственно, и критика конкурентов сосредоточена не только на недостатках в содержании предвыборных платформ, но, прежде всего, на личностных слабостях и недостатках кандидатов.

Тем самым в 225 мажоритарных округах на выборах депутатов Государственной думы объективно формируется большое количество конфликтных ситуаций, в которых кандидаты готовы к столкновениям на межличностной основе. При этом важно учитывать, что кроме «политических тяжеловесов» в данных округах нередко выдвигаются кандидаты, для которых скандалы и личностные выпады являются главным инструментом, с помощью которого они могут обратить на себя внимание. Кроме того, в ряде случаев «политические тяжеловесы» используют также «подставных» кандидатов, главной задачей которых является «грязная» работа по дискредитации основных конкурентов.

Фактически и в экономике, и в политике есть понятие «недобросовестная конкуренция». Борьба с ее проявлениями ведется на уровне законодательства, но проблема продолжает

оставаться не решенной. Поэтому от выборов к выборам продолжает всплывать информация о разнообразных нарушениях в ходе предвыборных кампаний и о судебных разбирательствах в отношении отдельных кандидатов. Данные нарушения определяют сложную конфигурацию конфликтного поля, которая охватывает всю территорию РФ и включает в себя огромное количество конфликтных противоречий в отдельных избирательных округах.

Важнейшим фактором конфликтогенности выступает, прежде всего, использование так называемого административного ресурса. Многообразие его проявлений обуславливает сложную конфигурацию возникающих в этой связи нелегитимных конфликтов (фальсификация результатов, подкуп избирателей, снятие конкурентов с предвыборной гонки, вброс ложной информации и т. д.).

Намного сложнее определить нарушение избирательного законодательства в сфере так называемых серых технологий, основанных, прежде всего, на приемах воздействия на общественное мнение за счет превосходства провластных политических сил в информационных ресурсах. В этом случае конфликт, основанный на недовольстве проигравшей стороны, формально не имеет правовых оснований, но приводит к тому, что радикальная оппозиция начинает изначально подвергать сомнению легитимность выборов, утверждать, что они носят недемократический, манипулятивный характер и не позволяют выявить реальные политические настроения людей.

В целом, оценивая предвыборные кампании как фактор политических конфликтов в современной России, можно констатировать, что именно в этот период происходит наиболее полное отражение тех разнообразных противоречий и проблем, которые накопились в различных сферах общественных отношений. Тем самым механизм выборов реализует важнейшую функцию, создавая институализированное и правовое поле для легитимного проявления многомерного политического конфликта, отражающего интересы основных социальных групп и субъектов политики в обществе.

Данная многомерность предопределяет различные системы координат для конфликтных проявлений, которые вполне правомерно рассматривать как отдельные (хотя и взаимосвязанные) политические конфликты (от конфликта мировоззрений и стратегий общественно-политического и социально-экономического развития до межпартийных и межличностных конфликтов).

Большая часть данных конфликтов выполняет вполне конструктивные функции и является неизбежным следствием политической конкуренции. В идеале главным инструментом разрешения данных конфликтов является голо-

сование избирателей, выступающих своеобразными арбитрами в разрешении представленных конкурирующих позиций по важнейшим общественным проблемам.

Однако на практике реализация данных позитивных функций осложняется тем, что волеизъявление граждан происходит не только на основе рационального осмысления представленных на выборах программ, но и в результате целенаправленной актуализации электоральными участниками иррациональных мотивов голосования избирателей.

В результате позитивные функции конкуренции трансформируются в свою противоположность, постепенно накапливаются предпосылки для превращения предвыборных политических конфликтов в инструменты социальной деструкции и разрушения существующей системы. Радикальные оппозиционеры видят в этом единственный шанс для устранения действующего политического режима в России и своего прихода к власти. Однако такой либерально-революционный подход уже был использован два с половиной десятилетия назад для разрушения СССР и социалистического строя. Он привел к радикальным преобразованиям, которые сопровождались катастрофическими последствиями во всех сферах общественной жизни, в значительной степени не преодоленными и по сегодняшний день. Еще один либеральный эксперимент современная Россия пережить не в состоянии. Выход видится в совершенствовании существующей избирательной и партийной системы, в подключении отечественных институтов гражданского общества к контролю над выборами, в совершенствовании правовых механизмов разрешения предвыборных конфликтов.

Примечания

- 1 См., например: *Парк Р.* Конкуренция. Конфликт. Аккомодация. Ассимиляция // Теоретическая социология : антология : в 2 ч. ; пер. с англ., фр., нем., ит. / сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 390–422.
- 2 *Хабермас Ю.* Когда мы должны быть толерантными? О конкуренции видений мира, ценностей и теорий // Социс. 2006. № 1. С. 53.
- 3 См.: *Александров Н. Н., Козлов В. Д., Крючков Д. В.* Конкуренция и конкурентоспособность : содержание понятий и история их становления. Н. Новгород : Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 2004.
- 4 См.: *Гутман Г., Лапыгин Ю.* Антимонопольный путь к конкуренции. Владимир : ВГПУ, 1996. С. 42–45.
- 5 О защите конкуренции : федер. закон от 08.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 05.10.2015). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=183145;fld=134;from=61763-6;rnd=189271.8316302065469545;;ts=01892711777770615072743> (дата обращения: 14.04.2016).

- ⁶ Мельвиль А. Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Миронюк М. Г., Полунин Ю. А., Тимофеев И. Н. Опыт классификации стран // Полис. 2006. № 5. С. 23.
- ⁷ Ашихмина Я. Г. Конкуренция элит на выборах как критерий современной демократии // Политэкс. 2007. № 2. С. 245–253. URL: <http://www.politex.info/content/view/341/30/> (дата обращения: 26.02.2013).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Анупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник для вузов. М. : ЮНИТИ, 2000. С. 80.
- ¹¹ Наглядным примером могут служить выборы в Сирии, проведенные в апреле 2016 г. на подконтрольной правительству Б. Асада территории, которые заранее были объявлены западноевропейскими странами не легитимными.
- ¹² См.: Главный юрист ФБК вслед за Яшиным отказался от участия в праймериз Демкоалиции из-за Касьянова. URL: <http://www.newsru.com/russia/13apr2016/jdanov.html> (дата обращения: 14.04.2016).
- ¹³ Там же.

УДК 338

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НА ПОЧВЕ «ЕДИНОГО ИНТЕРЕСА»: СТРУКТУРА И ЛОГИКА РАЗВИТИЯ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье представлен генезис в условиях современной либеральной демократии политических конфликтов по поводу базовых социально-политических ценностей, исследованы их динамические и сущностные свойства.

Ключевые слова: политический конфликт, социально-политические ценности, политический интерес.

**Political Conflict Based on «Common Interest»:
the Structure and Logic of Development**

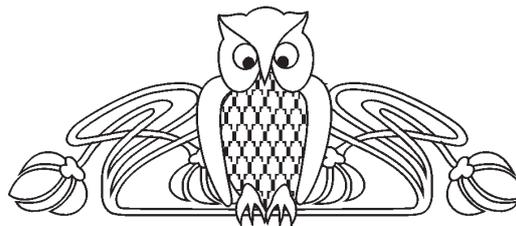
N. I. Shestov

The article presents the genesis in a modern liberal democracy of political conflicts over basic socialpolitical values; their dynamic and essential properties are researched.

Key words: political conflict, social political values, political interest.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-3-314-318

Современная политическая наука, отечественная и зарубежная, относительно неплохо представляет себе природу конфликтов внутри больших социально-политических систем, когда их предметом являются различные интересы разных субъектов политики. Когда, например, одна сторона конфликта стремится властвовать, а другая этого властвования не желает, когда одна сторона выступает с неким идеологическим проектом настоящего и будущего, а другая считает такой проект абсурдным и опасным и взамен предлагает собственный проект. Для характеристики таких конфликтных ситуаций, когда предметом конфликта выступают разные для разных элитарных и общественных групп стратегии и тактики политического развития, разные подходы к использованию для этих це-

лей общественных и государственных ресурсов, политическая наука обычно использует категории «идеологический интерес», «классовый/сословный интерес», «этнический/религиозный интерес», «государственный/национальный интерес». Использование данных категорий подразумевает, что тот или иной участник конфликта обладает политической субъектностью. Что он выступает полноценной стороной конфликта именно в силу способности осознать и публично сформулировать свою собственную, вполне рациональную (и уже в силу этого вполне отличную от интересов других субъектов политики) заявку такого «интереса». Что он способен наделять политическую реальность собственным смыслом и отстаивать именно этот смысл.

В современном мире вместе с тем активизировались и конфликтные ситуации другого рода. Те, в которых предметом конфликта являются не разные, а вполне сходные представления конфликтующих субъектов политики о целях и смысле последней, об оптимальных средствах, которыми эти цели могут быть достигнуты. В современной политике, например, широко представлены конфликты, в основе которых лежит стремление всех конфликтующих сторон реализовать демократические принципы социального общежития и взаимодействия общества с государством, внедрить в политическую жизнь демократические и либеральные институты, отстаивать «общечеловеческие» ценности, такие как «справедливость», «свобода», «человеческое достоинство», «порядок». Это имеет место в государствах Северной Африки, на Балканах, в некоторых частях постсоветского пространства и даже, как показали массовые протесты по поводу миграционной политики руководства Евросоюза и попыток проведения реформы трудовых отношений во Франции весной 2016 г., в